

Привет Казимиру Севериновичу

"Печкой" для нашего второго, а теперь уже и третьего авангарда был и остается Казимир Малевич. Обращения — идеологическим, стилистическим и т.п. — современных художников к прародителю посвящают отдельные научные труды. Исследователь с удовольствием включил бы в свой реестр наисвежайшие примеры непрекращающейся связи.

Это две выставки, открывшиеся с интервалом в один день: "Рисунки старых советских мастеров" Игоря Макаревича в XL-галерее и "Изба" Валерия Кошлякова в галерее М.Гельмана.

Как известно, эти художники принадлежат разным поколениям и разным направлениям в кругу тех самых последователей. Чтобы упростить дело, скажем, что Макаревич — концептуалист, а Кошляков — вроде бы нет. Посему можно было бы ограничиться лишь замечанием о формальном совпадении — в предисловиях к той и другой выставке прописано имя Малевича.

Но уж коль "печка" упомянута, любопытно проследить — кто от нее в какую сторону пляшет.

Валерий Кошляков в своей "Избе" настоящую печьку вниманием обошел. Есть все остальное: окна, кровать, ковры и коврики, образок, ведро, забор, сортир... По мысли автора, русская изба — вот та "среда, в которой выростали Малевичи и Циолковские и которая по сей день питает русского художника".

Да, как тут не вспомнить "крестянский" период Казимира Севериновича — вернулся ведь из космоса на грешную землю.

Архитектурно-утопический, всемирно-исторический рисовальный иллюзионизм Кошлякова вроде бы тоже не предвещал снисхождения автора к узконациональной проблематике. Использование реальных объектов (железная кровать со множеством подушек, дощатый туалетный домик) — тоже что-то новое для художника. Но, похоже, они тут — только для отвода глаз. Чтоб не сразу обращали внимание на "сверхновое" — реалистическое изображение всего прочего антуража с помощью цветного упаковочного скотча.

Любой доброжелательный историк русского искусства, с уважением относящийся к прошлому и с надеждой вззирающий на наше современное искусство, объяснит вам, что цветные полосы скотча — не что иное, как те самые яркие горизонталы Малевича, которые укладывал он в основания некоторых своих картин. Налицо преемственность и прогрессивное движение по спирали — ушли от реализма в квадраты, квадраты превратили в полосы, а полосами опять выклеиваем реализм.

Хотя выставка, кажется, не об этом.

Игорь Макаревич занят совсем другим делом. Он "препарирует рисунки советских художников третьего эшелона с помощью методики аналитического искусства, декларированного Казимиром Малевичем".

А проще говоря — иллюстрирует абсурдность одного высказывания К.М., взятого в качестве эпиграфа к выставке, прямым ее воплощением. Призыв к "освобождению воли и разума от их смысла" Макаревич осуществляет в два этапа. В качестве исходного материала берет заведомо бессмысленные графоманские рисунки и полностью их аннигилирует с помощью простейших операций. Каждый рисунок раскладывается на физические и лингвистические первоосновы: рис, насыпанный в стеклянную прямоугольную коробочку, является началом буквосочетания УНОК, на этой коробочке выведенном. "Сама техника рисунка означена субстанцией свинца", присутствующей в каждом объекте в виде рамы, подложки за рамой, свисающей на веревочке детали и т.п.

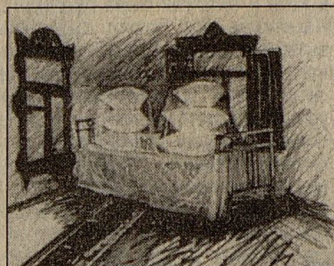
Пессимист Макаревич наглядно воссоздает путь последовательного вырождения изобразительного искусства на протяжении всего XX века. И надо признать, что возвести бессмысленность в третью степень (бред Малевича, бред реализма, бред концептуализма) мог лишь истинный мастер.

Тихо и незаметно прошла выставка Сергея Бугаева (Африки) в московском клубе "Дом". Незаметно для любителей изо. Выставка шла как сопровождение Международного музыкального фестиваля, носящего имя Сергея Курехина, — СКИФ-4.

Африка был выбран как ближайший ученик, друг и продолжатель дела С.К. в сфере изобразительной. Соратничество их, вероятно, когда-нибудь отойдет в двойной профильный портрет С.К. и С.Б. Пока же Африка пользуется парным портретом Ленина — Сталина. И, по дружбе, на том же знамени напоминает об откровении Курехина о Ленине-грибе. Ленин есть и грибы есть. Но игра-то у Африки своя, еще более тонкая и вызывающая чрезвычайное уважение со стороны гуманитарной интеллигенции. Это игра с буквосочетанием "Яко бы сон", которая для искусствоведа и куратора выставки Виталия Пацюкова есть "свидетельство о культурной памяти новейшего художественного сознания, о его вменяемости в самых невменяемых ситуациях...". Упоминание имени Романа Якобсона, одного из лидеров русской формальной школы лингвистики, подтверждает живучесть "энергетики первосхем русского авангарда".

Не меньше обнадеживающих впечатлений получил бы на выставке и прикладной любитель современного искусства — то бишь гипотетический торговец или покупатель. Несколько любовно созданных бархатных расшитых золотом псевдосоветских полотнищ хороши невероятно. Прямо раритет и антиквариат. Но ведь мало того — здесь еще и рука современного мастера, ненавязчиво подмешавшего к советским культовым лозунгам современный культовый примитив. И что там разбираться — ирония, не ирония... Главное — красиво очень.

Единственно, кому придется поломать голову над этой выставкой, — так это молодому вездливому поколению. "Стальной Скок", когда кругом знамена и фотографии? Да, на полу под каждым полотнищем уложены рядком по три сверкающих металлических пластины, напоминающих формой подстилки для компьютерных "мышек". Старые фотографии переведены в металлокерамику. А на трех фотопортретах Африки — по одному стальному отблеску. Но связь-то, связь? Это к автору. В крайнем случае, к Виктору Пелевину.

В. Кошляков. "Изба"

А. Иванов. "Ударница копильного цеха"

Юлия ОВЧИННИКОВА